

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

О природе виртуального

О.Р. Демидова
(СПб., ЛГУ имени А.С. Пушкина)

В статье в процедурах семантико-семиотической и герменевтической методологии анализируется феномен виртуального, рассматриваемый в нескольких плоскостях: от историко-этимологической до интенционально-этической и экзистенциальной. Особое внимание при этом уделяется присущему индивиду и социуму стремлению к власти как ведущему мотиву погружения в виртуальное, реализуемому на онтологическом, психологическом, социальном, политическом, этическом, эстетическом и творческом уровнях. Одной из главных опасностей, заключенных в природе виртуального, автор считает потенциальную возможность манипулирования сознанием – как индивидуальным, так и массовым.

Ключевые слова: виртуальное, виртуальность, возможность, скрытый (имплицитный), потенциальный, реальный, власть, сознание, манипулирование

The Nature of the Virtual

Olga R. Demidova

The article presents a semantic, semiotic, and hermeneutic analysis of the virtual regarded on a number of plains from the historical and etymological to the intentional, ethical, and existential. Special attention is paid to the individual and social will for power as to the leading motive of immersion into the virtual realized on several levels, i.e., the ontological, psychological, social, political, ethical, aesthetic, and creative ones. The author argues that one of the major dangers inherent to the virtual consists of

its manipulative potential which could be exercised both on the individual and mass consciousness levels.

Keywords: the virtual, virtuality, possibility, hidden (implicit), potential, real, power, consciousness, manipulation

Классическое значение термина «виртуальный», происходящего от латинского «*virtualis*», – «возможный, такой», который может или должен проявиться при определенных условиях [10, с. 103].

Современный электронный латинско-русский словарь Glosbe указывает как редко употребительные дополнительные значения «вымышленный, иллюзионный, кажущийся, псевдо, словно». В английском языке, из которого оно заимствовано в русский, слово «*virtual*» имеет следующий набор основных значений, перечисленных по степени убывания частотности употребления: «фактический, действительный; являющийся чем-то по существу, реально (а не формально); возможный, виртуальный; мнимый» [6, с. 670].

В «Англо-русском словаре» А. Александрова (1891) указан следующий ряд значений слова «*virtual*»: «виртуальный, обладающий возможностью (действовать, быть кем); неявно присущий, скрытый, предполагаемый сам собою» [1, с. 834].

В «Толковом словаре» Ушакова (1935-1940) – «пребывающий в скрытом состоянии и могущий проявиться, случиться; возможный» [12]; в словаре Ожегова (1980-е) «виртуальный» определяется как «несуществующий, но возможный» [7].

Наконец, в «Толковом словаре русского языка» Д.В. Дмитриева (2003) трактовка получает дополнительный сущностно смысловой оттенок в полном соответствии с новой – техногенной – эпохой: виртуальным называется «такой объект, который не имеет физического существования, а реализуется лишь в компьютерных условиях, в фантазии», а виртуальной реальностью – «компьютерная модель действительности, в которой человек

имеет возможность осуществлять какие-то действия, наблюдать за чем-либо и т.п.» [3].

Очевидно, что все классические определения и толкования слова «виртуальный» балансируют на грани действительного и мнимого, существующего и несуществующего, данного в непосредственном эмпирическом восприятии и воображаемого, реального и потенциального, то есть, по сути дела, на грани настоящего и будущего, возможность которого имманентно присутствует в настоящем, но для своей реализации требует наличия некоторых внешних условий. В результате технических достижений рубежа XX–XXI вв. и перехода человечества на новую цивилизационную ступень появляются новые смысловые грани: во-первых, грань антропогенного и техногенного, во-вторых, грань двух реальностей: материальной и виртуальной. Поначалу обе они воспринимаются как равноправные данности, однако с течением времени вторая начинает постепенно поглощать первую.

С эвристической точки зрения весьма существенным для понимания природы виртуального представляется определение, предложенное современным французским философом-материалистом А. Конт-Спонвиллем, переводящим размышление о виртуальном в этическую плоскость, ср.: «Виртуальный – существующий потенциально <...> или в виде симуляции. Вообще слово “виртуальный”, которым нам в последнее время прожужжали все уши, происходит от латинского *virtus*, что означает “добродетель”. Ничего случайного здесь нет, ибо в обоих случаях подразумевается нечто потенциальное. Но если добродетель – это потенция, переходящая в действие, то виртуальность – это потенция, так и остающаяся потенцией. Добродетель есть воплощенная потенция, а виртуальность, как правило, довольствуется образами. Добродетель – человеческое качество, виртуальность в основном принадлежит машинам. Добродетель требует смелости, виртуальность – в лучшем случае простой осторожности. Добродетель справедлива, виртуальности довольно быть правильной. Добродетель зиждется на

любви, виртуальность может быть приятной, и этого для нее вполне достаточно. Таким образом, побеждает добродетель. Не думаю, что кому-нибудь понравилось бы прожить свою жизнь виртуально» [4, с. 96-97; курсив Конт-Спонвилля – О.Д.]

С точки зрения традиционной морали ни один из этих постулатов не вызывает возражений, однако за истекшее десятилетие жизненная практика, к сожалению, опровергла справедливость последнего из них: в двадцать первом веке для значительной части человечества проживание жизни в виртуальном режиме сделалось т. наз. «новой нормальностью». Многие люди, причем, не исключительно представители молодого поколения, стремятся «бежать» от реальности в мир виртуала.

С одной стороны, в «бегстве» как таковом нет ничего нового: человеку всегда было свойственно стремление уйти от обыденности в область фантазии, а пути и способы для этого находились / изобретались самые разнообразные – в известной мере, именно благодаря этому стремлению в свое время родилось искусство как отраженная реальность второго порядка. И самые радикальные примеры подобного бегства связаны с миром искусства: на заре девятнадцатого века романтики бежали в экзотические страны или в трансцендентальный покой кладбищ; начиная с последней трети века символисты выстраивали свою жизнь по законам искусства, в реальности «проживая» сотворенные ими в художественных текстах образы и коллизии; и те, и другие для большей «достоверности» и остроты переживания добровольно погружали себя в алкогольную и наркотическую потусторонность; по этому же пути пошли представители практически всех новых течений в искусстве в двадцатом столетии. С течением времени наркотическая зависимость как ответ на разного рода вызовы повседневной жизни приобретала все более широкие масштабы, захватив и многочисленных «просто обывателей» и превратив наркоманию (наряду с алкоголизмом) в одно из социальных бедствий.

Однако все вышеперечисленное происходило в реальном, т.е., материальном, имеющем вполне определенные онтологические границы и характеристики мире: стремление уйти из него не предполагало его тотального отрицания как такового. Виртуальная эпоха явилась для человечества новым вызовом не только социального, правового, нравственного, медицинского, но и онтологического порядка, поскольку виртуальный мир все более агрессивно вытесняет реальный, претендуя на его полное устранение. В связи с этим все более насущным становится вопрос о причинах притягательности виртуального, ответ на который следует искать в тех свойствах его природы, которые, как представляется, до сих пор не становились предметом серьезного философского осмысления.

Суть дела, как представляется, состоит в том, что виртуальное – это не только некое неопределенное *потенциальное*, способное реализоваться при ряде условий внешнего порядка, но и вполне конкретное *желаемое*, для реализации которого индивид, социальная группа или сообщество в целом готовы эти условия создавать. При подобном понимании виртуальное из разряда возможного переходит в разряд необходимого и в силу этого – неизбежного, превращаясь из результата проявления внешней воли в акт реализации собственного воления. Иными словами, оно не просто «возможно», оно «имеет быть», т.е., «должно», являя собой некий привлекательный образ, своего рода горизонт, к которому следует всеми силами стремиться, не останавливаясь ни перед какими усилиями и жертвами, вплоть до принесения собственной жизни в жертву техногенной фантазии. Очевидно, что при этом происходит весьма значимое сущностное замещение: горизонт утрачивает характеристику недостижимости, присущую ему по определению, становясь объектом желания, достижение которого возможно при переходе границ между двумя мирами. Изменение модальности приводит к тому, что в восприятии адептов и само виртуальное изменяет свою

природу, от интенции переходя к данности, т.е., к достигнутому желаемому, как будто постепенно обретаемому в повседневности по мере все более глубокого погружения в виртуальную жизнь.

Своего рода «вечным двигателем» этого процесса является стремление к власти, реализуемое, причем, далеко не всегда – осознанно, на нескольких уровнях:

1) онтологическом – власть над пространством и временем: возможность по собственному желанию создавать любое пространство и «погружать» его в любое физическое и/или историческое время, при желании меняя параметры и того, и другого; власть над жизнью и смертью: возможность как создать виртуальный (авто)персонаж, так и уничтожить его;

2) психологическом – возможность произвольно творить собственную идентичность, играя идентичностями и образами по собственной прихоти; кроме того, творить образы и идентичности других, тем самым априорно обретаая абсолютную власть над ними;

3) социальном – возможность виртуально выстраивать и перестраивать социальную иерархию и определять свое место в ней;

4) политическом – возможность виртуально уничтожить реально существующего или виртуально сконструированного врага / противника / конкурента и установить собственный, как правило, авторитарный, вариант общественного и / или государственного устройства, присвоив себе любую желаемую роль вплоть до роли «властелина мира»;

5) эстетическом – возможность произвольно (пере)определять содержание категорий прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, комического и трагического, гротескного и ужасного, устанавливая собственный эстетический канон и порядок;

6) этическом – возможность столь же произвольно (пере)определять параметры добра и зла, правды и лжи, верности и предательства, веры и неверия; оправдывать то, чему нет оправдания в мире традиционных нравств-

венных ценностей, и порицать (наказывать за) то, что в этом мире заслуживает поощрения;

7) творческом – возможность творить себя, свой мир и свою Вселенную по своим правилам, «передоверив» себе функцию низвергнутого Бога и реализуя в своей виртуальной жизненной практике известную формулу Ж.-П. Сартра, положенную им в основание экзистенциализма в эссе 1946 г. «Экзистенциализм – это гуманизм» и восходящую к «Братьям Карамазовым» Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено» (у Сартра – «человек создает себя сам», поскольку «все дозволено, если бога не существует» [9]).

В мире высоких технологий сфера практического применения виртуального предоставляет огромные, порой кажущиеся безграничными возможности как позитивного, так и негативного характера. С одной стороны, эти технологии значительно облегчают человеческую жизнь на всех уровнях, с другой – существенно меняют параметры и принципы взаимоотношений человека с окружающей средой, как не антропогенной, так и антропогенной, в последнем пределе подвергая необратимым изменениям саму природу человека. Одной из главных, если не главной опасностью представляется возможность использования огромного потенциала виртуального как мощного инструмента манипулирования сознанием на всех возможных уровнях: от индивидуального до общественного, государственного и массового. Самым радикальным инструментом этого манипулирования, на мой взгляд, следует признать информационные войны.

Строго говоря, информационные войны сопровождали человечество на значительном отрезке его истории. Вероятно, их первым изводом следует признать слухи и сплетни как способы получения, создания и распространения информации в определенных целях. Понимание ценности, значимости и функциональной прагматики информации сложилось в человеческом сообществе достаточно рано, причем, исходно смысловой спектр ла-

тинского слова «īnfōrmātio» был значительно полнее эксплицирован, чем сегодня. В «Латинско-русском словаре» зафиксированы значения «разъяснение, изложение, истолкование, представление, понятие, осведомление, просвещение» [2]; в «Словаре латинских философских терминов» – «содержание, оформление, то, что вкладывается формой» [11]; в «Словаре средневековых терминов» С.С. Неретиной – «информация, содержание, оформление» [5, с. 560]. То есть, информация исходно понималась как некоторое содержание, определенным образом истолкованное, заключенное в определенную форму, закрепляющую предлагаемое истолкование, направленное вовне на некую целевую аудиторию и предназначенное для определенной манипулятивной цели. В современном термине «информация» все эти смыслы продолжают жить в свернутом виде, реализуясь в практике информационной войны.

С появлением периодической печати действенный потенциал информационных войн существенно вырос, с появлением кино, а затем и телевидения – поднялся на новую ступень, а в виртуальную эпоху едва ли не достиг своего максимума. Поначалу периодика, кинохроника, телевизионные выпуски новостей создавали *свою версию (истолкование) события*, легитимируя ее доступными каждому из них средствами: газеты, а чуть позже и журналы опирались на доверие к печатному слову; кино и телевидение при помощи картинки, а затем и звука придавали предлагаемой ими версии событий аутентичность, включая зрителей в происходящее и программируя определенную эмоциональную реакцию с их стороны, поскольку они видели все своими глазами и слышали своими ушами. По мере развития технологий возможности манипулирования существенно расширились и качественно изменились: стало создаваться уже и *событие как таковое*, что позволяло объявить небывшее бывшим и наоборот и таким образом сконструировать любую картину мира по желанию заказчика. В результате «новая нормальность» создает «новую аутентич-

ность» техногенной эры, что, впрочем, было давно предсказано Орвеллом, – и это еще раз актуализирует вопрос о соотношении жизни и искусства в ракурсе оппозиции «первичное – вторичное» или реальностей первого и второго порядка. Гарантированная Интернетом бесконечная повторяемость одной и той же новости в разных вариантах толкования и невиданная прежде массовость потребляющей информацию аудитории, с одной стороны, как и возможность блокировать нежелательный контент, изъав его из сферы информационного потребления, с другой, становятся мощнейшими инструментами воздействия на массовое сознание, а равно и на коллективное бессознательное, формируя в них нужные эмоции, образы, импульсы и мнения и тем самым программируя ответную реакцию в нужном направлении.

Еще один весьма действенный инструмент манипулирования сознанием как на индивидуальном, так и на массовом уровнях – так называемый информационный шум, позволяющий создать обманчивое впечатление многознания благодаря легкой доступности сведений самого разного рода, а по сути дела, отвлекающий и затемняющий сознание, теряющееся в сплошном потоке ненужной информации. В результате, «ежедневно выходя в “мировую паутину”, человек потребляет гигабайты чепухи» и знает «всё больше и больше о всё меньшем и меньшем» [8, с. 100]. Функционирование этой техники прекрасно иллюстрирует остросатирическое эссе З. Прилепина «Невезучий пользователь Интернета» (2006), воссоздающее собственный опыт автора, попытавшегося найти в сети необходимую ему позитивную информацию о росте числа личных автомобилей в Нижегородской области. Пройдя последовательно по семидесяти восьми из предложенных ему ссылок, автор получил самые разнообразные сведения, которых не запрашивал: о росте числа жителей области, заболевших гепатитом, гриппом, туберкулезом, венерическими болезнями, а равно и употребляющих психоактивные и наркотические вещества; о росте количества миллионеров, а так-

же подростков, курящих и злоупотребляющих алкоголем; о расширении сети дошкольных учреждений для слабоумных детей; о количестве пожаров, экономических преступлений, краж, угонов автомобилей, преступлений против женщин и детей; о росте числа отравлений грибами, зарегистрированных преступлений, любителей японского боевого искусства кендо, фальшивых купюр, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и ставших жертвами домашнего насилия, незаконных финансовых схем; об увеличении количества несанкционированных парковок и катастрофическом росте числа пробок на дорогах «вследствие расширения частного автопарка». После семьдесят восьмой ссылки автор «выключил поисковик и вырубил Интернет», отчаявшись найти позитив и придя к выводу, что, если «много будешь знать – скоро состаришься, скуришься, сопьёшься, сколешься и отравишься, в конце концов, грибами, собранными в лесу, накануне огромных летних пожаров». Воистину, «коварная вещь – мировая паутина» [8, с. 100-107].

Литература

1. Александров А. Полный англо-русский словарь. 2-е изд. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1891.
2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М: «Русский язык», 1976.
3. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель и др., 2003. URL: reallib.org/reader?file=671102 (03.05.2024).
4. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012.
5. Неретина С.С. Словарь средневековых философских терминов // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья. Т. 2. СПб.: Издательство РХГИ, 2002. С. 512-607.
6. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 3.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ», 1994. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/23974 (03.05.2024).
8. Прилепин З. Я пришел из России: Эссе. СПб.: Лимбус пресс; ООО «Издательство К. Тубина», 2009.
9. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.
10. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988.
11. Словарь латинских философских терминов. URL: latin-philisophy-terms.slovaronline.com/search?s (03.05.2024).
12. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова: В 4 т. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940. URL: feb-web.ru/feb/Ushakov/ish-abc/03/us129715.htm?cmol=o@istext=1 (03.05.2024).